

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ В X – НАЧАЛЕ XIX

Аннотация. Статья посвящена анализу основных этапов и направлений российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против порядка управления. Исследованы памятники русского права, показана связь истории исследуемых преступлений с эволюцией государства. Определены предпосылки дифференциации должностных и управленческих преступлений и их классификации на общие и специальные. Важно отметить, что рост нормативного материала о составах преступлений против порядка управления тесно связан с конфигурацией взаимоотношений между личностью и государством, а так же с уровнем бюрократизации системы управления. Данная работа основана на диалектическом методе познания в соединении с системно-логическим, формально-юридическим, сравнительно-правовым, историческим анализом. В процессе исследования были использованы так же методы анализа, синтеза, моделирования, прогнозирования, статистический, социологический, принцип единства предмета и метода изучения, принцип научной корректности. Новизна исследования заключается в том, что выявлено что в исследуемый период был не просто обобщен опыт предшествующих времен, но и проведена значительная работа по систематизации преступлений против порядка управления, которая одновременно и определялась, и способствовала определению истинной правовой природы этих посягательств.

Ключевые слова: преступление, порядок управления, должностные преступления, история права, систематизация права, памятники права, уголовное право, общественная безопасность, самоуправство, государственные нарушения.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main stages and directions of Russian criminal legislation on crimes against the administrative order. The author studies Russian historical legal documents, demonstrates the connection of the history of the studied crimes with the evolution of the state. The author defines the prerequisites to differentiation of official malfeasances and managerial crimes and their classification as general or specific. The author notes that the increase of normative data on components of crimes against the administrative order is closely connected with the structure of relations between the person and the state and with the level of the state system bureaucratization. The research is based on the dialectical method of cognition combined with the system-logical, formal-legal, comparative-legal and historical analysis. The author also applies the methods of analysis, synthesis, modeling, prognostication, statistical and sociological methods, the principle of unity of the subject and the method of research, and the principle of scientific correctness. The novelty of the study consists in the conclusion that during the period under consideration, Russian law hadn't only generalized the experience of the previous times, but systematized crimes against the administrative order; this systematization simultaneously was defined by and promoted defining the true legal nature of those crimes.

Key words: historical legal documents, systematization of law, history of law, official malfeasance, administrative order, crime, criminal law, public safety, arbitrariness, state violations.

Законодательство о преступлениях против порядка управления имеет долгую историю, основные вехи и направления которой теснейшим образом связаны с историей российской государственности, эволюцией системы государственного администрирования и права. По вполне понятным причинам ранний период истории российского государства объективно не мог со-

провождаться разработкой дифференцированной системы нормативного регулирования отдельных функций центрального и местного управления. В это время государство в большей степени было озабочено формированием структурных основ администрирования, определением статуса и возможностей представителей государственного аппарата и одновременным закреплением обязанно-

стей подданных, ограничением своеволия местных управленцев. Это обстоятельство нашло непосредственное отражение в тексте правовых памятников, которые традиционно относят к числу наиболее ранних источников отрасли уголовного права.

Речь, в частности, идет о Русской Правде. Вторая часть ее краткой редакции (начиная со ст. 19), получившая в историографии название «Правда Ярославичей», содержит целый ряд статей, в которых формулируются предписания, послужившие основой и предтечей современной системы норм об ответственности за преступления против порядка управления [1].

Так, в статьях 19 – 25 этого документа содержатся положения о наказаниях за преступления, совершенные против жизни и здоровья представителей княжеской администрации. Русская Правда устанавливает двойной размер виры (80 гривен) за убийство огнищанина (управляющий всем княжеским хозяйством, дворецкий – высший чиновник в княжеской администрации), подъездного (чиновник, осуществляющий сбор причитающихся князю поступлений) и ряда высших тиунов (управляющих, подчинявшихся огнищанину и заведовавших отдельными отраслями вотчинного управления); устанавливает обязанность преступника выплатить эту виру самостоятельно, без участия общины; закрепляет обязанность самой общины платить виру в случае отказа от розыска убийцы. Здесь же устанавливается ответственность за посягательство на жизнь управленцев среднего и низшего звена княжеской администрации: сельского и пахотного старосты, рядовичей. Важно значение при этом имеет ст. 21, допускавшая убийство огнищанина, совершающего преступления, что косвенно указывает на центральный признак преступлений против жизни и здоровья управленцев: соблюдение ими своих обязанностей, функционирование в рамках установленного порядка, а возможно, отчасти, и связь посягательства на их жизнь с осуществлением ими своих должностных и профессиональных обязанностей.

Помимо специализированной охраны субъектов управленческой деятельности, Русская Правда содержит положения, ориентированные на защиту самого процесса управления, а также неотделимого от него на этом этапе истории процесса судебного разрешения конфликтов. Эту задачу решала ст. 33, карающая штрафом в пользу князя тех, кто «смерд умучать, а без княжа слова» и повышающая размер штрафа в четыре раза в случае совершения преступления против огнищанина, тиуна или мечника. «Мучение» в данном случае следует понимать как самочинные, самоуправные действия судебного-процессуального порядка, как наказание-самосуд за совершенные потерпевшим действия. Саму статью

же справедливо рассматривать как норму, охраняющую феодальную юрисдикцию князя, его право урегулировать конфликты и наказывать.

К этой норме примыкает и ст. 34 Пространной редакции, которая устанавливала специальный порядок подтверждения своего права на пропавшую вещь, с обязательной процедурой «свода», и наказание за присвоение найденного, которое в случае невозвращения вещи после объявления собственников о пропаже приравнивалось к краже.

В этих предписаниях вполне справедливо будет усматривать начало формирования уголовно-правовых запретов на осуществление действий, идущих вразрез с установленным порядком управления. Называть такие действия в полном смысле слова самоуправными, конечно, нет еще оснований, они лишь сходны по своему содержанию с понятием самоуправления, однако связь с современными конструкциями достаточно очевидна.

Наряду с указанными, Русская правда формулировала и иные запреты, тяготеющие к преступлениям против порядка управления. Так, ст. 34 Краткой редакции преследовала переустановление или уничтожение межевых знаков (ст. 34). Соответствующие предписания были развиты в статьях 71 – 73 Пространной редакции памятника, в которых устанавливалась ответственность за уничтожение знака собственности на ульях, повреждение межевых деревьев, нарушение границ земельных и иных владений.

Оценивая эти нормативные положения с точки зрения современных представлений о системе противоправных посягательств на порядок управления, несложно заметить, что они:

- во-первых, возникли сразу как группа правовых норм, что отражало одновременно и достаточную разветвленность (развитость) системы управления, и особую заинтересованность государства в ее охране;
- во-вторых, изначально охватывали собой и посягательства на жизнь и здоровье представителей управленческого аппарата, и на установленный порядок управления, регулирования общественных отношений;
- в-третьих, в силу вполне объективных причин были еще слабо дифференцированы от норм, устанавливающих ответственность за различные посягательства на реализацию государством принадлежащих ему прав (в том числе права собственности, права наказания, права сбора налогов и др.).

Последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку именно в различных преступлениях, нарушающих собственно установленный порядок управления обществом, преступлений, направленных на порядок реализации

государством принадлежащих ему прав, и состоит основной вектор развития исследуемых уголовно-правовых норм.

Русская Правда, в основных своих положениях, могла достаточно долгое время удовлетворять потребности населения в правовой упорядоченности общественных отношений, причем по причинам самого разного порядка: как в силу медленных темпов эволюции государства, так и в силу достаточно высокого уровня самого памятника. Достаточно сказать, что первым, пришедшим ей на смену общегосударственным светским источником писанного права стал лишь Судебник 1497 года.

Конец XV века в истории России характеризуется, прежде всего, созданием централизованного государства. В управленческом отношении это сопровождалось серьезной трансформацией структуры и функций административного аппарата, его роли в жизни общества. Совершенствование системы управления закономерно сопровождается увеличением объема нормативных требований, которые государство предъявляет к своим подданным, и соблюдение которых призвано гарантировать порядок и стабильность в самых разных сферах жизнедеятельности: торговле, производстве, межличностном взаимодействии, суде. В сфере уголовного права это обстоятельство находит объективное выражение в росте числа преступлений против порядка управления, в формировании новых составов общественно опасных посягательств.

Процесс этот отражен уже в региональных Судных грамотах XIV – XV веков. Так, Псковская судная грамота (первая редакция которой относится к 1397 году)[2] дает в этой части весьма интересный и богатый материал: ст. 61 устанавливает исключительно судебный порядок признания недействительными подложных грамот и «досок», ст. 67 предписывает квалифицировать как грабеж случаи насильственного изъятия истцом какой-либо вещи должника в обеспечение долга, ст. 83 устанавливает плату за составление грамоты, содержащей разрешение на выезд за пределы псковской земли, ст. 115 содержит запрет на нарушение монополии на содержание «корчем» и продажу спиртных напитков. Новгородская Судная грамота (известна по редакции 1471 года)[2] в ст. 5 запрещает отстранять от исполнения судебных обязанностей посадника, тысяцкого, наместника владыки и их судей; в ст. 7 устанавливает специальную, исключительно судебную, с выдачей «судебного приказа», процедуру разрешения исков о земле. Специфика этих документов, среди прочего, состоит в том, что, регламентируя тот или иной порядок осуществления юридически значимого действия, памятники не указывают прямо на наказуемость его нарушения и не содержат в значительном числе статей санк-

ций. Конечно, это не означает ненаказуемости нарушения установленного порядка, но косвенно наводит на мысль о поиске законодателем путей дифференциации регулятивного и охранительного правового материала.

Первым выразителем правовых основ функционирования централизованного государства, как же отмечалось, стал Судебник 1497 года[3]. Поскольку одним из основных целевых назначений этого документа была надлежащая организация суда и судопроизводства в объединенном русском государстве, вполне закономерно, что в сфере регламентации ответственности частных лиц за нарушение установленного в государстве порядке, он значительное внимание уделил преступлениям, которые в современной транскрипции звучат как преступления против правосудия. Среди них: ябедничество, т.е. заведомо ложное обвинение лица в преступлении (ст. 8, 39), неявка свидетеля («послуха») в суд (ст. 50), лжесвидетельство (ст. 67), отказ посторонних лиц, не являющихся сторонами в деле, покинуть место проведения поединка (ст. 68). Законодатель того времени (а как показывает история, и много позднее) еще не мог обособить преступления против правосудия (особенно совершаемые частными лицами) от посягательств на установленный порядок управления, как по причинам юридико-техническим, так и по сущностным соображениям, поскольку все эти посягательства имеют важный общий признак – нарушают возложенные на граждан обязанности, исполнение которых призвано обеспечить нормальное функционирование государства.

Важными документами по средневековой истории преступлений против порядка управления выступают акты местного управления. Именно в них устанавливались особенности и порядок управления отдельными территориями, в них же формулировались запреты на его нарушение.

Так, например, Кормленные грамоты (документы, на основании которых отдельные территории отдавались в управление с правом «корма», то есть сбора податей) устанавливали право кормленщиков вести регистрацию сделок с лошадьми (единственным транспортным средством на сухопутной территории страны) и одновременно предусматривали взимание штрафа с лиц, уклоняющихся от такой регистрации (аналогичные нормы содержались и в иных правовых документах)[3].

Двинская уставная грамота 1397 года (ст. 6) и Белозерская уставная грамота 1488 года (ст. 13) формулируют состав самосуда, понимая под ним ситуацию, когда «кто, изымав татя с поличным, да отпустит, а себе посул возмет, а наместники доведются по заповеди, ино то самоусуд; а опрочь того самосуда нет» (ст. 6).

Белозерская таможенная грамота 1497 года регламентировала порядок уплаты таможенной пошлины и ее размер, порядок и место торговли на «Белозере», ответственность за нарушение правил торговли.

Детализация системы управления приводит к закономерному росту числа составов преступлений против этой сферы отношений. Специалисты отмечают появление в законодательстве рассматриваемого периода таких составов, как:

- неисполнение лицом, у которого остановился проезжий торговый или служилый человек, обязанности «явить» его местным выборным должностным лицам для регистрации, «какие люди в котором дворе явятся»;
- непредъявление торговцем таможенным чиновникам товаров, предназначенных для продажи;
- нарушение предоставленных лицу в соответствии с жалованной грамотой тех или иных прав или привилегий (например, проезд по дороге посторонних лиц самовольное присутствие на пиру, остановка проезжих лиц в местах, освобожденных от постоя и др.);
- фальшивомонетничество[4].

Централизация земель и образование единого Русского государства, будучи процессом, растянутым во времени, имело свою динамику и свои стадии, каждая из которых объективно требовала более совершенной системы управления и правовой базы. В качестве особого, завершающего этапа процесса собирания русских земель можно назвать период второй половины XVI века, в историко-правовом отношении ознаменовавшийся разработкой и принятием Судебника 1550 года[5].

В области уголовного права Судебник 1550 г. вводит положения о новых видах преступлений, причем большая часть из них – это преступления должностных лиц против установленного порядка службы, а также преступления против порядка управления. Из предписаний, имеющих прямое отношение к рассматриваемой в настоящей работе теме, формулирующих новые или существенно обновленные запреты, стоит выделить:

- ст. 6, которая преследовала торговой казнью и тюремным заключением лиц, уличенных в ложном обвинении в умышленном неправосудии на «боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка, или на подьячего»;
- ст. 8 – 10, которые устанавливали ответственность за ложное обвинение должностных лиц в произвольном увеличении пошлины;
- ст. 18 об ответственности свидетеля за отказ от явки в суд;

- ст. 59, которая впервые в истории русского права называла в ряду «лихих дел» подделку, т.е. подделку документов.

Наряду с этим, законодательство второй половины XVI века стремится охватить охраняемыми конструкциями и иные сферы управления. Исследования по истории права доказывают появление в это время таких новых преступлений, как неисполнение подданными возложенных на них полицейских обязанностей по поимке преступников, неявка на обыск, примирение с преступником по делам о краже и разбое, уклонение служилого человека от несения службы, дезертирство.

Как показывает проведенный анализ, период образования централизованного государства, который характеризовался существенной трансформацией системы управления и всемерным возрастанием роли и значения права в регулировании общественных отношений, ознаменован не только ростом общего объема уголовно-правового материала, но и изменением его содержания, прежде всего, за счет конструирования составов преступлений, направленных на нарушение установленных государством обязанностей (причем, как для представителей самого государственного аппарата, так и для всех остальных частных лиц). Должностные преступления и преступления против порядка управления развиваются, как бы параллельно, зачастую корреспондируя друг другу, с двух сторон охватывая собой растущие права и возможности государства. Появившаяся у государства возможность совершения тех или иных действий регламентируется в правах и обязанностях управленцев, которые несут ответственность за злоупотребление, превышение или небрежение правом, а также охраняется от посягательств со стороны частных лиц, причем в данном случае охране подлежат как сами носители государственной власти, так и имеющиеся у них права. Этот синхронизм будет особенно заметен позже, в XIX столетии. Здесь же он только зарождается как одно из направлений последующего развития права.

Вершиной российской средневековой юриспруденции и права не без оснований считается Соборное Уложение 1649 года[6], во многом определившее основу правовых отношений в государстве на последующие три столетия. Вопрос о том, какие именно предусмотренные в этом памятнике составы правонарушений относить к группе посягательств против порядка управления, является достаточно сложным с теоретической и методологической точки зрения. Его постановка справедлива и для документов более раннего периода, но здесь она проявляется с особенной остротой, в виду того, что сама система управления в Русском государстве середины XVII столетия представля-

ется весьма разветвленной, сложной, для своего времени развитой и совершенной. Однако несмотря на это, стоит признать, что и в XVII столетии различие сложных и неоднозначных понятий «власть» и «управление», «государство» и его «права», «безопасность» и «правопорядок» не произошло окончательно. А потому преступления против порядка управления не были обособлены составителями Уложения в отдельную главу, хотя тематическая рубрикация нормативных предписаний самим документом предусматривалась. Положения о преступлениях против порядка управления можно встретить в самых разных (и во многих) разделах Соборного Уложения, которые посвящены регламентации отдельных обязанностей российских подданных и закрепляют отдельные суверенные права Российского государства. В частности:

- Глава 1 «О богохульниках и о церковных мятежниках» в статьях 8 – 9 запрещала установившийся ранее порядок непосредственного обращения к царю или патриарху с челобитной о расследовании дела; если это обращение происходило в церкви, виновный подвергался тюремному заключению;
- Глава 2 «О государственной чести и как его государственное здоровье оберегать» в статьях 18 и 19 устанавливала наказание в виде смертной казни «без всякие пощады» за недоносительство о готовящемся государственном преступлении;
- Глава 3 «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого безчинства и брани не было» содержала значительный массив деликтов, отчасти примыкающих к преступлениям против порядка управления: статьи 1 – 2 устанавливали тюремное заключение и выплату денежного штрафа потерпевшему за оскорбление кого-либо словом или действием на царском дворе (эти же преступления, совершенные вне церкви и царского двора, влекли за собой лишь выплату компенсации потерпевшему); статья 3 устанавливала повышенную санкцию (смертную казнь) за нанесение ран кому-либо на государевом дворе; статья 4 преследовала обнажение оружия при государе, хотя бы не сопровождавшееся ни убийством, ни нанесением ран или ударов; статья 5 предусматривала ответственность за обнажение оружия во дворе государя, но во время его отсутствия, статьи 6 и 7 – за ношение оружия на государевом дворе;
- Глава 4 «О подпизчихе, и которые печати подделывают» формулировала развернутые предписания об ответственности за подделку документов: статьи 1 – 2 устанавливали смертную казнь за составление поддельных грамот и печатей или подделку грамот и приказных

писем и приставления печати к «воровским», то есть подложным документам; статьи 3 и 5 карали использование подложных документов («нарядных писем»).

- Глава 5 «О денежных мастерах, которые учнут делати воровския деньги» устанавливала ответственность за фальшивомонетничество (статья 1), а также за утайку и подделку благородных металлов (статья 2);
- Глава 6 «О проезжих грамотах в инья государства» определяла, что лица, желающие выезжать в какое-либо государство, с которым русское государство находится в мирных отношениях, должны получить официальное разрешение («проезжую грамоту»); в случае самовольного выезда за границу без проезжей грамоты с целью измены или других злых намерений виновные наказывались смертной казнью (статья 3); если аналогичное деяние совершалось с целью ведения торговых дел субъект подлежал телесному наказанию;
- Глава 7 «О службе всяких ратных людей московского государства» впервые в истории законодательства устанавливала нормы, относящиеся к вопросам комплектования воинских частей; статья 8 провозглашала ответственность ратных людей всяких чинов за дезертирство со службы; статьи 10, 16 – ответственность различных чинов военного начальства за незаконный отпуск с военной службы; статья 19 предусматривала санкции за побег из армии с поля боя;
- Глава 9 «О мытах и о перевезех и о мостах» преследовала случаи уклонения от уплаты торговых и иных пошлин (статья 5);
- Глава 10 «О суде» в статьях 105 – 107 устанавливала наказание за нарушение порядка в суде;
- Глава 25 «О корчмах» детализировала составы незаконного производства алкогольной продукции и содержания заведений для их потребления, которые нарушали монополию государства на эти виды деятельности.

Как видим перечень преступлений, которые нарушают установленный порядок управления, в Уложении 1649 года значительно вырос по сравнению со всеми предыдущими памятниками. Он определяется закономерным расширением тех сфер общественной жизни, которые попадают в орбиту правового регулирования: административно-территориальное управление и суд, торговля и пошлины, граница и официальные документы, армия и эмиссия денежных знаков. Внимательный анализ показывает, что хотя специфика управления как объекта уголовно-правовой охраны еще не была осмыслена в полной мере, все же первые шаги, на-

правленные к дифференциации преступлений против собственно государства, его безопасности и авторитета, и преступлений против установленного в государстве порядка совершения тех или иных действий. Этот порядок (поскольку он установлен для регламентации «вертикальных» отношений между отдельными гражданами и государством) предполагает установление ответственности за его нарушение как со стороны представителей государства, так и со стороны частных лиц. В последнем случае мы как раз и встречаем образцы преступлений против порядка управления. Однако поскольку спектр таких «вертикальных» отношений крайне широк и складываются они в самых разных сферах (от экономики до богослужений), преступления против порядка управления фактически отождествляются с преступлениями против безопасности урегулированных государством отношений.

Важно также обратить внимание, что рост нормативного материала о составах преступлений против порядка управления тесно связан с двумя обстоятельствами социальной истории страны:

а) с конфигурацией взаимодействия и взаимоотношений между личностью и государством: чем более скованно регламентами и уставами поведение человека, чем меньше круг его личной свободы, тем закономерно выше объем составов преступлений против порядка управления;

б) с уровнем бюрократизации системы управления: чем выше степень бюрократии, тем больше объем нормативов и регламентов тем большее число нарушений попадает в сферу уголовного права.

Вопрос о границах свободы в России вообще, и в средневековой России, в частности, требует специального анализа и выходит далеко за пределы заявленной темы. Равно как вопрос об истории и особенностях российской бюрократии. Не углубляясь в их анализ (даже поверхностный), возьмем на себя ответственность утверждать, что эти обстоятельства (кстати, находящиеся в прямой взаимозависимости) в истории России всегда способствовали росту и числа составов, и числа преступлений против порядка управления.

Показательно в этом отношении законодательство эпохи абсолютизма, восходящее к политике Петра I. Его масштабные преобразования в области государственного и административного управления имели своим закономерным итогом формирование в стране абсолютной монархии, которое (и это важно для познания права) в идейно-мировоззренческом отношении совпало с утверждением в философии XVIII столетия механистической картины мира. Н.В. Мирошниченко верно пишет на этот счет: «Рассматривая общество как механизм, государству... необходимо было четко выявить, зафиксировать его «детали» и опре-

делить «функции» каждой из них. Решение этой задачи находило свое выражение в стремлении абсолютной власти как можно более полно охватить все стороны экономической, политической, социальной, духовной и прочих видов практики и подчинить их воле верховного правителя за счет создания максимально развернутой, крайне детализированной системы стандартов и правил выполнения практически любого вида деятельности»[7]. Это привело к созданию крайне обширной нормативной базы, определяющей порядок выполнения подданными империи едва ли не всех, в том числе и самых примитивных, социально нейтральных действий. Как следствие, пропорционально увеличивается и число составов преступлений, связанных с неисполнением или нарушением установленного порядка.

В теоретическом отношении также важно обратить внимание на то, что к XVIII столетию вполне утвердился и специфический, существенно отличающийся от раннесредневекового, близкий к современному, взгляд на само преступление как на нарушение государственных велений, не просто причинения вреда частным лицам или группе лиц, а как нарушение воли государства, его суверенных прав, исходящих от него предписаний. Это, с одной стороны, способствовало росту числа составов преступлений против порядка, предписанного законами, а с другой стороны, весьма затрудняло выделение в общем массиве преступлений именно тех, что нарушают порядок управления. Одного лишь формального признака (нарушение порядка, предписанного в законе) теперь оказывается недостаточным, поскольку он превращается едва ли не в главный признак преступления вообще. В связи с этим подспудно и неявно происходит дальнейшая дифференциация преступлений и поиск нового, содержательного критерия для обособления группы преступлений против порядка управления.

Выразителем новых уголовно-правовых решений стали Артикулы Воинские 1715 года и Морской Устав 1720 года[8]. Эти документы, действовавшие не вместо, а вместе с Соборным Уложением 1649 года, являли собой, по преимуществу, военно-уголовные кодексы, основной массив содержащихся в них предписаний посвящен детальной регламентации обязанностей лиц, состоящих на военной и военно-морской службе в различных должностях, или обязанных на ней состоять. С точки зрения исследуемой нами тематики это дает возможность обоснованно предположить, что в начале XVIII века преступления против установленного порядка военной службы были осознаны законодателем в качестве относительно самостоятельной группы деликтов, отличных от преступлений, нарушающих установленный порядок исполнения иных обязан-

ностей. Специфика их состоит в особых характеристиках субъекта, состоящего на службе и включенного в систему служебных отношений, которые своим поведением причиняет вред этой системе «изнутри» (в отличие от преступлений против порядка управления). В связи с этим последующее изложение не будет касаться, так называемых «воинских преступлений».

Что касается преступлений частных лиц против установленного порядка отношений, а равно преступлений военнослужащих против отношений управления, складывающихся за рамками непосредственно несения военной службы, то здесь рассматриваемые памятники озаглавлены появлением целого ряда новых предписаний. В частности, они устанавливали ответственность за такие деяния, как:

- недоносительство о богохулении, о преступлениях против императора и иных общеполитических посягательствах (артикул 5 Главы 1 «О страхе Божии», статья 4 Главы 1 «О благом поведении на кораблях» Книги 4 Морского Устава);
- нарушение запрета на торговлю и работу питейных, увеселительных заведений во время церковных служб (артикулы 16, 17 Главы 2 «О службе Божии и о священниках», статья 15 Главы 2 Книги 4 Устава);
- оскорбление, применение насилия, убийство представителей военного командования, а равно судей и гражданского начальства, «понеже таковыя особы все обретаются под Его Величества особливую протекцию и защитою, и кто в делах принадлежащих их чину противное учинит, оный почитается, якобы он Его Величества протекцию презрил» (Глава 3 «О команде, предпочтении и почитании вышних и нижних офицеров, и о послушании рядовых», Глава 1 «О злоумышленных против его императорского величества, и о противящихся командирам своим, или кто оных поносить быть» Книги 5 Воинского Устава);
- умышленное или легкомысленное неисполнение приказов, «непристойное рассуждение о приказах» начальства («Ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушно быть. Оный имеет в том, что он приказал, оправдаться, а сей ответ дать, како он повеленное исправил»)
- «всякой бунт, возмущение и упрямство», которые «без всякой милости имеет быть виселицею наказано» (артикул 137 Главы 17 «О возмущении, бунте и драке», Глава 13 Книги 5 Воинского Устава);
- укрывательство преступников и лиц, совершивших преступления (артикул 206 Главы 24 «О утаении и увозе злодеев»).

Но пожалуй, наибольшее значение и непосредственное отношение к теме имеют Глава 22 Воинского Артикула «О лживой присяге и о подобных сему преступлениях» и Глава 18 Книги 5 Морского Устава с аналогичным названием и содержанием. Именно здесь описаны составы «общеуголовных» преступлений против порядка управления, то есть деяния, которые могли быть совершены лицами, не связанными с военной или военно-морской службой.

Так, артикул 196 преследовал ложную присягу; артикул 197 – лжеприсягу, повлекшую тяжкие последствия; артикул 198 – клятвопреступление и лжесвидетельство; артикул 199 – фальшивомонетничество; артикул 200 – подделку мер и весов; артикул 201 – подделку печатей и документов; артикул 202 – присвоение себе ложного имени в целях совершения неблагоприятных поступков; артикул 203 – уничтожение или повреждение представленных для всеобщего ознакомления указов или повелений.

Как видим, в XVIII столетии в правовом обороте находился весьма значительный массив предписаний, отражающий взгляд государства на преступления против установленного порядка управления. Обилие нормативных источников, их несогласованность, обветшалость и целый ряд иных причин требовали глубокой правовой реформы, систематизации и обновления законодательства. Оставляя в стороне вопрос о работе многочисленных кодификационных комиссий [9], обратимся к итогам работы наиболее удачной и результативной из них, а именно, к комиссии, учрежденной в 1804 году Александром I и возглавляемой М.М. Сперанским. Значимым результатом ее работы следует признать проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года [10]. В анализе этого документа акцентируем внимание на систематике нормативных положений, закрепляющих ответственность за преступления против порядка управления.

Первая часть проекта была посвящена основаниям уголовного права, третья часть – «частным преступлениям», а часть вторая проекта именовалась «О наказаниях за государственные и общественные преступления» и включала в себя девять глав.

В главе 4 были сосредоточены преступления, нарушающие «внутреннюю общественную безопасность и тишину», к которым причислялись:

- насилие (хотя и без мятежа), упорство, «наглое сопротивление», «обиды токмо на словах» в отношении лиц, «правительственных или суд творящих» (§ 176 – 183);
- освобождение заключенных из-под стражи или тюрьмы (§ 184 – 190);

- самоуправство – «когда кто за личные обиды, вопреки законному порядку, сам себе делается судьей и самовольно взыскивает удовлетворение или проводит мщение» или же «когда кто насильно присваивает себе чужое имение или права другого без приговора судебного и против законных на то форм и порядка» (§ 209 – 226);
- посягательство «противу внутренней тишины и безопасности и законного порядка», совершенное «иным образом», нежели непосредственно указано в законе (§ 227).

Глава 6 «О наказаниях за нарушения особенных государственных прав и принадлежностей» предписывала наказания за:

- подделку и ввоз на территорию страны поддельных денежных знаков и ценных бумаг, как государственных так и с разрешения правительства выпущенным частными компаниями (§ 237 – 247);
- переплавку российской монеты (§ 248 – 250);
- контрабанду путем вывоза российских денег (§ 251 – 253).

Отделение четвертое в Главе 6 специально оговаривало, что лица, виновные в посягательстве на другие права государства (самовластное установление и взимание налогов и пошлин, кормчество, нарушение монополии на добычу металлов, нарушение почтовых и иных специальных постановлений) должны быть наказаны на основании «особенных постановлений и уставов, на сии случаи изданные».

Глава 7 «О наказаниях за подлог или лживые поступки» включала в себя положения об ответственности за:

- подделку печатей, штемпелей и иных официальных знаков (§ 256 – 258);
- подлог указов, судебных актов и иных официальных бумаг (§ 259 – 262);
- лжесвидетельство (§ 267 – 270);
- присвоение себе чужого имени, звания или чина (§ 271 – 273).

Как видим, в проекте Уголовного Уложения был не просто обобщен опыт предшествующих времен, но и проведена значительная работа по систематизации преступлений против порядка управления, которая одновременно и определялась, и способствовала определению истинной правовой природы этих посягательств. В частности: все они были отнесены к группе преступлений против государства; обособлены от преступлений должностных лиц и расположены в тексте документа перед главами о должностных преступлениях, что было призвано, очевидно, показать ранг и соотношение соответствующих объектов охраны; условно подразделялись на «общие» – связанные с нарушением общих принципов и порядка управления, и «специальные», состоящие в нарушении отдельных прав и привилегий государства.

Эта важная работа по систематизации и упорядочению нормативного материала, как известно, не увенчалась официальным утверждением проекта 1813 года. Однако полученный отечественным законодателем и наукой бесценный опыт с успехом использован в последующей практике при разработке Свода законов Российской империи 1832 года и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года – памятников, открывающих новую страницу в истории российского уголовного права.

Библиография:

1. Памятники русского права. Выпуск первый. Памятники права Киевского государства. X – XII в. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1952.
2. Памятники русского права. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII-XV в.в. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова.-М: Гос. изд. юрид. лит., 1953.
3. Памятники русского права. Вып. третий. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV в.в. / Под ред. Л.В. Черепнина.-М: Гос. изд. юрид. лит., 1955.
4. Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV – XVII вв). – М.: Юрлитинформ, 2012.
5. Памятники русского права. Вып. четвертый. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV-XVII в.в. / Под ред. Л.В. Черепнина.-М: Гос. изд. юрид. лит., 1956.
6. Памятники русского права. Вып. шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Под ред. К.А. Софроненко. – М: Гос. изд. юрид. лит., 1957.
7. Мирошниченко Н.В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций. – М.: Юрлитинформ, 2014.
8. Памятники русского права. Вып. восьмой. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / Под ред. К.А. Софроненко. – М: Гос. изд. юрид. лит., 1961.
9. Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе. – М.: Юрлитинформ, 2014.
10. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного Уложения Российской империи. – Самара: Самар. ун-т, 2013.

References (transliterated):

1. Pamyatniki russkogo prava. Vypusk pervyi. Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X – XII v. / Sost. A.A. Zimin; pod red. S.V. Yushkova. – M.: Gos. izd. yurid. lit., 1952.

2. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. vtoroi. Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi. XII-XV v.v. / Sost. A.A. Zimin; pod red. S.V. Yushkova.-M: Gos. izd. yurid. lit., 1953.
3. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. tretii. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV-XV v.v. / Pod red. L.V. Cherepnina.-M: Gos. izd. yurid. lit., 1955.
4. Rozhnov A.A. Istoriya ugolvnogo prava Moskovskogo gosudarstva (XIV – XVII vv). – M.: Yurlitinform, 2012.
5. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. chetvertyi. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XV-XVII v.v. / Pod red. L.V. Cherepnina.-M: Gos. izd. yurid. lit., 1956.
6. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. shestoi. Sobornoe Ulozhenie tsarya Alekseya Mikhailovicha 1649 goda / Pod red. K.A. Sofronenko. – M: Gos. izd. yurid. lit., 1957.
7. Miroshnichenko N.V. Teoreticheskie osnovy ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannye s narusheniem professional'nykh funktsii. – M.: Yurlitinform, 2014.
8. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. vos'moi. Zakonodatel'nye akty Petra I. Pervaya chetvert' XVIII v. / Pod red. K.A. Sofronenko. – M: Gos. izd. yurid. lit., 1961.
9. Pudovochkin Yu.E. Uchenie ob ugolovnom zakone. – M.: Yurlitinform, 2014.
10. Bezverkhov A.G., Korostelev V.S. Proekt Ugolovnogo Ulozheniya Rossiiskoi imperii. – Samara: Samar. un-t, 2013.